

Игорь БАРИНОВ,
Иван СТРЕЛКОВ

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА В УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ: МЕЖДУ ПРОПАГАНДОЙ И ПОЛИТИКОЙ (1914-1919 гг.)

Вторая половина XIX в., отсчет которой положили революции 1848 г., ознаменовалась выходом на первый план европейской политической и этнической истории национальных государств. Этот факт не только оживил длившиеся уже долгое время дискуссии о том, что такое нация, но и выдвинул несколько новых положений. Так, с одной стороны, нация стала рассматриваться как некая культурная общность, служащая источником власти и объектом государственной лояльности¹. С другой стороны, единство культурного поля и сопутствующее ему единство политической традиции породили концепцию объединения всех представителей нации в одном этнополитическом государственном организме. Ярким примером такой концепции стала идеология пангерманизма.

Германский пример оказался весьма привлекательным для народов Восточной Европы. Прежде всего это коснулось населения восточных провинций Австрии и юго-западного региона России. Если публикации современников однозначно указывали на то, что преобладающая часть русинов симпатизирует социализму, а не национализму², то американско-украинский историк Джон-Пол Химка отмечал, что у крестьянских масс, составлявших наибольший сегмент населения, не «отсутствовало этническое сознание – просто они не мыслили политически», в связи с чем «национальное движение не достигло, да и не могло достигнуть крестьян»³, оставшись уделом интеллигенции. В этом смысле можно согласиться с известным теоретиком национализма Э. Геллнером в том, что именно культурная однородность индустриального общества, разительно отличавшаяся от неоднородности аграрных обществ⁴, каким по характеру было русинское, в данном случае подпитывала пангерманскую идеологию.

По мере развития украинофильского движения (возникшего в противовес старому, русофильскому) и появления на рубеже XIX-

XX вв. идеи независимой Украины его представители столкнулись с определенными проблемами. Во-первых, формировавшаяся национально-политическая доктрина в свете упомянутой культурной неоднородности не имела никаких осязаемых ориентиров, способных объединить представителей различных регионов. Во-вторых, территории, на основе которых планировалось создание государства, были в неравной пропорции разделены между двумя континентальными империями – Австро-Венгрией и Россией. Именно в указанное время у украинофильских авторов появилось новое определение – границы будущей независимой Украины. В одноименной брошюре, впервые опубликованной во Львове в 1900 г., они определялись двумя горными системами: Карпатами на западе и Кавказом на юге. Как многозначительно говорилось в тексте, со времени вынужденной конфедерации с Россией и наступившего в 1654 г. «антракта исторической драмы украинской нации» весь цвет нации жил с мыслью об этих границах⁵. Будущий вдохновитель интегрального украинского национализма Дмитрий Донцов в своем выступлении на студенческом съезде во Львове в 1913 г. обвинил Россию в искусственности ее государственности, достигнутой, как он считал, за счет Украины, и провозгласил главной целью украинского движения возвращение к «этнографическим границам»⁶.

Если в России украинские губернии и относимые к ним украинофилами области (такие, как Кубань) располагались в целом достаточно монолитно, то в австрийских Галиции, Буковине и Прикарпатье существовала настоящая культурно-языковая чересполосица. Случаи приписки различных этносов как к русинам, так и к полякам и венграм по принципу религии или родного языка были обычным явлением⁷. Так, во время переписи 1910 г. в Восточной Галиции римо-католиками себя назвали 1,13 млн, греко-католиками – 3 млн человек, при этом 2,1 млн назвали родным языком польский, а 3,1 млн человек – русинский⁸. Учитывая, что указанные конфессии были основными для славянского населения этой области (православные составляли лишь очень малый процент), получается, что свыше 1 млн человек, относивших себя к полякам или русинам, этнически не являлись таковыми.

В России в конце XIX – начале XX в. идея присоединения Галиции была достаточно популярной в патриотических и национально ориентированных кругах – как в обществе, так и в государственных сферах. В основе этого дискурса лежало сочетание националистических и имперских устремлений. В первом случае это были рассуждения, относящиеся к национализму, а во втором – соображения имперской политики и теория «естественных границ», аккумулиро-

вавшая доводы национального и геополитического характера. Так, в докладе на собрании Галицко-русского благотворительного общества И. Манасеин утверждал, что им движут не особые славянофильские чувства, а представление о том, что каждая нация должна жить только в своем государстве⁹. Он считал ненормальным то, что часть «малороссийского племени» жила вне России, подобно тому, как часть греков жила вне Греции и т. п.¹⁰. Согласно Э. Геллнеру, это классический националистический подход, уравнивающий понятия «нация», «государство» и «народ»¹¹.

Основу коренных имперских интересов России в Галиции сформулировал еще в 1886 г. глава Генерального штаба генерал Н.Н. Обручев. Он утверждал, что польская нация всегда станет на сторону той державы, которая нападет на Россию¹². Центр польской политики, по мнению Обручева, находился в Галиции. Поэтому для России было очень важно его искоренить посредством присоединения Прикарпатской Руси. По мысли генерала, именно она была ключом к польскому вопросу, который, в свою очередь, был крайне принципиален для Российской империи. Поражение в этом вопросе, считал он, отбросило бы Россию к Днепру и Западной Двине. Проблема, таким образом, вовсе не сводилась к присоединению к огромной империи еще одной провинции, а была гораздо глубже.

Суть теории «естественных границ» состояла в том, что каждое государство, с одной стороны, должно включать в себя весь ареал проживания образующего его этноса. С другой стороны, оно, с точки зрения этой теории, не может замыкаться исключительно в этнических пределах. Его границы должны формироваться с учетом географического и стратегического аспектов. По мнению военного специалиста Генерального штаба полковника П. Базарова, эти факторы уступали национальному, но все же их роль не умалялась. Вслед за требованием наибольшего соответствия этнографической картине в той или иной местности граница должна была удовлетворять стратегические и экономические потребности государств, отвечать, кроме того, сложившимся историческим и политическим условиям¹³.

В узко стратегическом смысле присоединение Галиции к России обеспечивало бы империи удобную границу по южному склону Карпатских гор. Однако нетрудно догадаться, что перечисленные Базаровым условия могли находиться в разительном противоречии друг с другом. Так было и в случае с Восточной Галицией. Как известно, эта область с XIV в. жила жизнью, обособленной от Северо-Восточной Руси, что не могло не сказаться на ее этнокультурном облике. Это заставляло как ученых, так и военных с осторожностью относиться к перспективе присоединения области. Так, А.Н. Пыпин

напоминал, что русины Галиции, несмотря на общее с русскими прошлое, к началу XX в. сильно обособились в этническом отношении¹⁴. Эти сомнения разделяли не только в академической, но и в военной среде. В 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин в докладе императору Николаю II доказывал, что присоединение Галиции ослабит внутреннее положение империи, так как этот край сыграет роль Эльзас-Лотарингии в Восточной Европе¹⁵.

Наряду с этим еще до войны в работе с местными русофилами наметились трудности, касавшиеся как самого русофильского движения, ослабленного первой волной русинской эмиграции¹⁶, так и структурного доминирования других наций в социально-экономической (немцы и евреи) и культурной (поляки в Галиции, венгры в Прикарпатской Руси) сферах. Так, деятели галицко-русского движения, обвиняя поляков в «ненасытности», а украинофилов за стремление обособиться – в «малодушии»¹⁷, в реальности с трудом давали отпор массированным кампаниям обеих сторон по ограничению русофильства и нивелированию его влияния. Не было структурированной поддержки и со стороны России: австрийская контрразведка отмечала недостаточное финансирование необходимых пропагандистских и политических мероприятий¹⁸.

О будущей границе у руководства России в целом существовало нечеткое и во многом априорное представление. Как считает российский историк А.Ю. Бахтурина, не следует преувеличивать масштаб конкретных замыслов русского правительства, которое в поддержке русофильства видело средство для поддержания баланса сил в регионе¹⁹. Так, после начала военных действий летом 1914 г. оказалось, что Россия не имеет точного плана организации захваченной у Австрии территории Галиции²⁰.

Для украинофилов же начавшаяся Первая мировая война стала новым стимулом к продвижению идей независимой Украины - в этот раз уже под эгидой Германии и Австро-Венгрии. Образованный 2 августа 1914 г. во Львове Союз освобождения Украины организовал настоящую информационную атаку на аудиторию как воюющих, так и нейтральных стран. За три года (1914-1917) одних брошюр им было выпущено около ста на двенадцати европейских языках, тогда как, по подсчетам Н.М. Пашаевой, в России в 1914-1916 гг. вышло всего 35 популярных изданий и статей на русском, посвященных восточным провинциям Австрии, в том числе Галиции²¹.

По украинской проблематике на австрийские субсидии выходили восемь изданий на пяти языках: «Вісник Союзу Визволення України» (с 1918 г. – «Вісник політики, літератури й життя»), «Ukrainisches Korrespondenzblatt» («Украинский вестник»), «Ukrainische

Nachrichten» («Украинские известия») и «Ukrainische Rundschau» («Украинское обозрение») в Вене, «Ukránia» («Украина») в Будапеште, «La Revue ukrainienne», «L'Ukraine» и «The Ukraine» в Лозанне. Продукция была дифференцирована по содержанию и потенциальному воздействию. Если у «Вісника СВУ», «Украинского вестника» и «Украинских известий» была схожая структура (последовательно – аналитика, пропаганда, информационные материалы) и выходили они каждую неделю, то «Украина» и «Украинское обозрение» появлялись соответственно два раза и раз в месяц и позиционировались как «толстые» интеллектуальные журналы. «Дублерами» австрийских изданий для нейтральных стран служили аналогичные по названию и содержанию швейцарские.

Помимо этого, многочисленные брошюры и газеты²² выходили в специализированных лагерях военнопленных для выходцев из Украины: Вецларе, Раштатте и Зальцведеде (Германия), Фрайштадте (Австрия) и Дунасердагеле (Венгрия, ныне – Словакия). Так, фрайштадтская лагерная газета «Мотылек», призывая к борьбе против «злой мачехи» России, писала, что «медвежья лапа, которая столько времени душила украинцев в России, теперь хочет уничтожить зачатки возрождения в Галиции»²³. Вслед за германской концепцией биологической принадлежности к нации стали распространяться материалы, подчеркивавшие расовые различия украинцев, русских и поляков²⁴.

Подобного пропагандистского разнообразия у российской стороны не наблюдалось. Как отмечает российский историк А. Асташов, у русского руководства на момент начала войны сложилось убеждение, что пропаганда сама по себе неважна, а «идеологический натиск» призван лишь дополнять военные действия²⁵. При этом стоит отметить, что офицеры русской армии сами не понимали государственной пропаганды, например, причисляя дружественно настроенных к русским войскам лемков к идеологическим противникам – украинофилам и запрещая солдатам контактировать с ними²⁶. В целом отношение к славянскому населению Австро-Венгрии строилось на априорном убеждении о принадлежности всех славянских этносов к одному народу, безотносительно политической традиции. У русской пропаганды в Галиции, таким образом, были две ключевые темы – освобождение от Австрии и завершение собирания русских земель²⁷. Эти тезисы проистекали из распространенной в то время в России концепции неославизма, которая отличалась двойственностью: если либералы видели в славянском единении почву для преобразований, то правые придавали ей «панрусский» характер.

Именно эта двойственность, как представляется, стала роковой

для всей последующей политики России в регионе²⁸. К ней добавились отсутствие унифицированного руководства пропагандой и сложности с ее финансированием и логистикой на занятых русскими войсками территориях²⁹. Кроме того, очень скоро возникло взаимное недоверие между российским МИДом и русофильскими изданиями. Это было связано с цензурированием выходивших в них материалов, которые казались русским чиновникам политизированными, с уклоном в национальную сторону и, следовательно, небезопасными для существовавшей династической лояльности. К слову, у Австро-Венгрии таких проблем не возникало из-за того, что австрийцем считался любой подданный страны, лояльный властям, независимо от его национальной принадлежности³⁰.

В отношении проведения границы у русского правительства в целом преобладала идея о включении населенных русинами областей в состав России, так как их население рассматривалось как «продолжение населения Вольнской и Подольской губерний»³¹. Трудность заключалась в отсутствии инструментов реального политического влияния России в крае ввиду того, что все значимые русофильские организации были ликвидированы австрийскими властями еще до войны либо в самом ее начале. Более того, конкретные обещания послевоенного устройства были даны лишь полякам – оппонентам русинов³². У украинских националистов устойчивые штампы геополитических построений также были по большей части воображаемыми. Связанные как с реальными, так и с мнимыми украинскими территориями, они переходили из статьи в статью и из книги в книгу. Однако с началом войны националистам пришлось более конкретно очертить контур границы, в которой они видели будущую независимую Украину.

В 1915 г. в Берлине увидела свет брошюра географа Степана Рудницкого «Украина и украинцы». В ней автор, помимо ставшего уже традиционным контура украинских границ по трем горным системам (Карпаты – крымская Яйла – Кавказ), дал достаточно подробную характеристику западной границы, которая должна была охватить всю, как ему казалось, украинскую этнографическую область. Так, граница должна была проходить от верховьев Днестра (очевидно, имелся в виду район Добромиль-Хыров) до реки Попрад, оттуда по линии Грибов – Горлице – Дукля – Санок подниматься по реке Сан до Ярослава, а затем восточнее Замостья и Красностава идти к Нареву³³. Эта карта была воспроизведена в немецком справочнике по Украине³⁴ в следующем году (см. стр. 84).

Несмотря на то, что граница обрисована достаточно схематично, заметно, что на первом отрезке она узкой полосой глубоко вдается в

Западную Галицию, включая Пшемысль. Затем, когда граница двигается на север, захватываются значительные территории на юго-востоке и северо-востоке нынешней Польши и Западной Белоруссии. Положенная в основу предполагаемой границы идея «украинской соборности», таким образом, прибавила к будущему государству часть русофильской Лемковщины и сильно полонизированные Холмщину и Подляшье, а также районы компактного расселения белорусов близ Белостока, то есть совершенно некомпануемые ни между собой, ни в составе Украины территории. Это, тем не менее, не смущало украинских интеллектуалов, спокойно смешивавших два несовместимых типа государственной лояльности³⁵. Однако в условиях того, что предполагаемая западная граница Украины постоянно находилась в зоне боевых действий, вопрос о ее реальном проведении не стоял на повестке дня.

Ситуация стала меняться после Февральской революции в России, когда в августе 1917 г. была образована Украинская народная республика (УНР), а затем – после Октябрьской, когда, наряду с руководством РСФСР, правительство УНР начало переговоры о заключении мира с Центральными державами. На состоявшейся 3-6 января 1918 г. встрече с австрийскими и германскими представителями глава украинской делегации Всеволод Голубович выступил с предложением «мира без аннексий и контрибуций и права на самоопределение наций» при согласии Австрии на установление ранее обо-

Источник: Kessler O. Die Ukraine: Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft. München, 1916.

значенной украинской западной границы³⁶. Участник переговоров министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин, однако, сразу дал понять представителям УНР, что возможно лишь формирование нового коронного края на территории Восточной Галиции и Буковины, но Прикарпатье останется венгерским. Когда начальник штаба германского главного командования на Востоке Макс Гофман предложил сместить границу восточнее Западного Буга, украинские делегаты заявили претензии и на часть Гродненской и Минской губерний³⁷.

Между тем украинской делегации удалось получить согласие Центральных держав на присоединение части Холмщины по линии Белограй – Шебрешин – Красностав – Пугачев – Радин – Межиречьє – Сарнаки к территории Украины³⁸. У этого достижения была весьма любопытная предыстория. Осенью 1917 г. Временное правительство России отменило закон 1910 г. о самоуправлении в Царстве Польском, который содержал в том числе и постановление о выделении Холмской губернии³⁹. В Польше этот акт был воспринят, естественно, как аннулирование губернии и возвращение ее территории в состав польских земель. Юрисконсультскому отделу МИД России пришлось потрудиться над доказательством того, что отмена закона не влечет за собой территориальные изменения. Составленная записка по этому вопросу каким-то образом оказалась в руках украинских делегатов в Бресте и была ими использована в собственных целях⁴⁰.

Примечательно, что при наличии достаточно серьезных требований о присоединении к Украине ряда сопредельных территорий руководство УНР и сменившей ее в апреле 1918 г. Украинской державы не обладало никакими реальными политическими возможностями не только для их будущего удержания, но и для поддержания собственного положения. Об этом свидетельствуют и замечание посла Австро-Венгрии в Киеве графа Яноша Форгача о том, что украинское правительство «изолировано от происходящего в стране», и признание министра иностранных дел Украины Дмитрия Дорошенко в том, что для австрийцев понятие «украинец» было «чисто политическим обозначением»⁴¹. Собственные промахи в установлении западной границы украинская сторона объясняла враждебными происками поляков, «недалеко ушедших от татар»⁴², которые хотели предложить корону австрийскому императору Карлу, и тот якобы был готов предать украинцев⁴³. Политический расчет на вербовку украинских военнопленных для создания воинских частей не оправдался: из 700 тыс. чел. только 2 тыс. поддались агитации Союза освобождения Украины и согласились воевать на стороне Центральных держав⁴⁴. Официальные отчеты Союза отмечали, что все

военнопленные были почти полностью русифицированы, а агитаторов приходилось подбирать на скорую руку, причем делалось это очень неумело⁴⁵. В этих условиях единственной реальной военной силой украинского государства оставались организованные еще австрийцами части сечевых стрельцов, впоследствии составившие основу армии Западно-Украинской народной республики (ЗУНР).

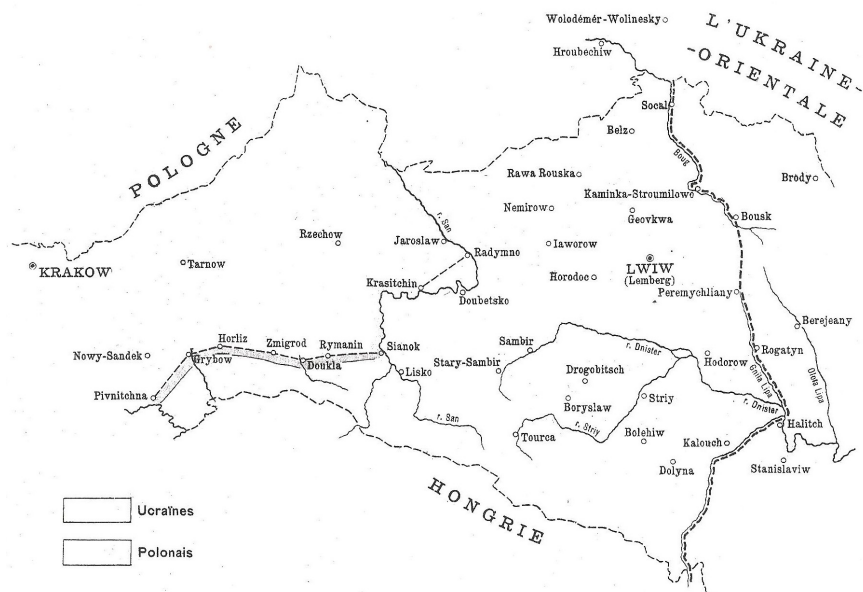
Новая страница в установлении границ в Восточной Европе оказалась связана с развалом Австро-Венгрии в начале ноября 1918 г., в результате чего в Восточной Галиции началась война между Польшей и ЗУНР, а в Прикарпатье и ряде районов Западной Галиции на некоторое время установился политический вакуум. На этом фоне заметно активизировались представители местного самоуправления. Так, в каждом городе Прикарпатья возникло как минимум три рады (солдатская, рабочая и крестьянская), а всего к концу ноября 1918 г. таких рад было около пятисот⁴⁶. В это же время в тридцати селах на Лемковщине возникла Восточно-Лемковская республика, вскоре присоединившаяся к ЗУНР. Сложная и нестабильная ситуация в бывших славянских провинциях Австро-Венгрии не помешала правительству УНР, власть которого повторно установилась в Киеве в конце декабря 1918 г., снова заявить о претензиях на западную границу, которые в целом совпадали с предложениями, выдвинутыми украинскими интеллектуалами во время Первой мировой войны. Первым шагом на пути воссоединения всех разрозненных частей Украины стали два декларативных заявления – решение Всекарпатского конгресса в Хусте о присоединении Прикарпатья к УНР и аналогичное решение ЗУНР, названное Актом объединения, принятые соответственно 21 и 22 января 1919 г. Желание войти в состав УНР изъявил и президент организованной местной самообороны на Раховщине Гуцульской республики Степан Клочурак⁴⁷. Против присоединения высказался русофил Ярослав Качмарчик, президент Западно-Лемковской республики, возникшей как раз на сильно выдававшейся в западном направлении узкой полосе границы, предлагавшейся УНР. Несмотря на это, формально, в международных обсуждениях, украинские делегаты предоставляли географические карты Украины с западной границей, проведенной по предложениям С. Рудницкого.

Спектр мнений галицийской интеллигенции включал и русофильскую точку зрения, которая не исчезла даже в ситуации фактического распада России после Октябрьской революции. В создавшихся условиях русофилы взяли ориентацию на антибольшевистские силы. 2 декабря 1918 г. Львовский Национальный конгресс постановил, что «русский народ Австро-Венгрии» объединяется с демокра-

тической Россией на началах федерации или автономии⁴⁸. Не очень понятно, какое именно государственное образование понималось под «демократической Россией». Можно предположить, что речь шла о времени, которое наступит после победы над большевиками и созыва Учредительного собрания. В то же время во Львове, вероятно, еще ясно не понимали последствия переворота, совершившегося в Омске 18 ноября 1918 г., и связывали представления о русской демократической власти с омской Директорией подобно тому, как это делали жители Бессарабии⁴⁹.

Конгресс обратился к союзникам с просьбой помочь установить в Галиции мир и поддержать воссоединение с Россией, принять карпаторусских делегатов в состав участников Мирной конференции, наказать австрийских армейских командиров и политиков, виновных в преступлениях времен войны⁵⁰. Для того чтобы представить союзникам эти требования, была составлена особая делегация русских Австро-Венгрии, которую возглавил бывший депутат австрийского парламента, видный деятель галицко-русского движения Дмитрий Марков⁵¹.

Для Парижской мирной конференции был подготовлен и особый документ, в котором объяснялись пожелания русских бывшей Австро-Венгрии и заострялось внимание на полемике с украинофила-

Источник: Why is War Carried on in East Galicia Between the Ukrainians and the Poles // The Ukrainian Problems. 1919. № 2.

ми. Здесь приводились аргументы исторического, лингвистического и вероисповедного плана. Апеллируя к самоназванию «русин» и обозначению в народе веры прилагательным «русская», авторы записки доказывали, что население восточной окраины Австро-Венгрии сохранило русское самосознание⁵². Другой акцент делался на отрицании существования украинской нации и возможности создания украинского государства. Эта идея подкреплялась напоминанием о том, что независимая Украина появилась в результате Брестского мира, то есть как часть германской политики⁵³. Таким образом авторы стремились продемонстрировать союзникам германское происхождение украинофильского движения. Иных доводов, кроме собственно этнографического, сторонники русской идеи не выдвигали.

Однако русофильская идея не всегда преобладала в регионе. Так, в это же время (декабрь 1918 г.) желание собрать «все русские земли в одном украинском государстве» выразила Мараморошская рада в Прикарпатье⁵⁴. Украинофилы пользовались и похожими на русофильские категориями, так же делая акцент на исторической «древности» украинской цивилизации, которая, несмотря на прерывающуюся государственность, сумела сохранить до наших дней историко-культурную индивидуальность украинцев⁵⁵. Для того чтобы убедить мировое сообщество в развитости украинской государственности, запорожские казаки именовались украинскими представителями «национальной украинской армией»⁵⁶, а их стремление к вольности трактовалось как социальная политика независимой Украины⁵⁷. Экономико-стратегическая выгода от присоединения Галиции к УНР отодвигалась на второй план⁵⁸, очевидно, как малозначительная.

Что касается представлений галицийских русофилов о будущих границах России в регионе, то они, по существу, также не отличались от того, что требовали деятели украинской ориентации. В целом, линия была направлена по реке Сан до устья реки Вислок, далее поворачивая на юго-запад через Ярославский, Перемышльский, Березовский и Саноцкий уезды, откуда шла на запад по северному склону Карпат через Горлицу и Грибов, оставляя эти города на русской стороне, до Попрада, затем - по прежней галицко-венгерской границе, но с включением четырех селений (Белая Вода, Черная Вода, Яворки и Шляхтова) между реками Попрад и Дунаец, примыкающими к Угорской Руси, в состав русской территории. В Венгрии граница пролегла по Попраду до его истока, затем - по водоразделу рек Гернад, Ваг и Грон, в юго-восточном направлении к южным склонам Гегьялайского хребта, далее - на восток по Тисе до впадения реки Тур и по этой реке, затем - по водоразделу рек Тур и Тиса до

города Сигета. Затем граница шла по водоразделу рек Иза и Вышев и далее - через местечко Вышев, остающееся на румынской стороне, с отнесением верхней долины реки Васир к русской территории.

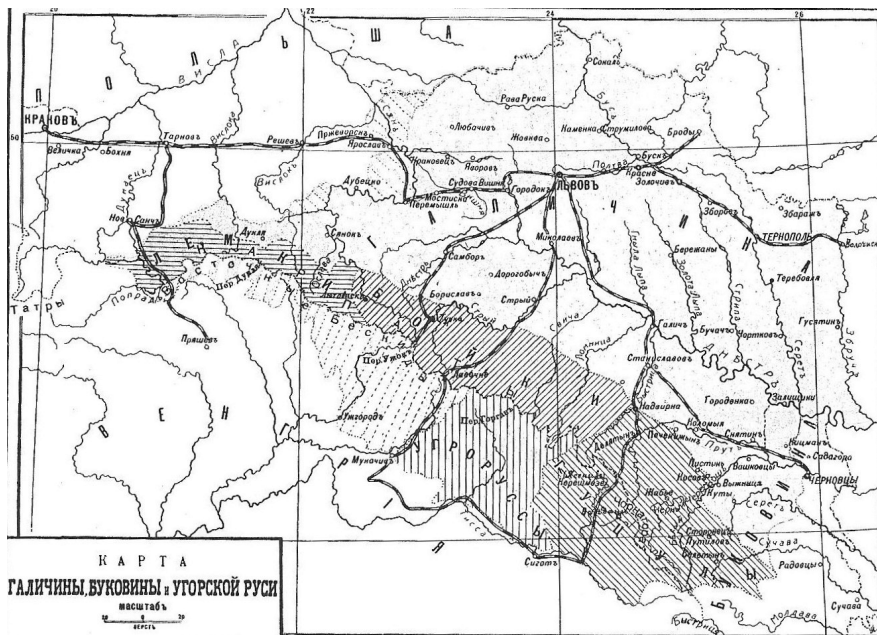
Различия между русофилами и «украинцами», таким образом, были в трактовке этнической принадлежности одного и того же восточнославянского населения.

Представители Белого движения также были небезучастны к судьбе Галиции. Русское политическое совещание, представлявшее его интересы в Париже, поднимало эту тему в связи с вопросом о русско-польской границе. Однако полемическая направленность их аргументации относилась, прежде всего, к Польше, а не к украинским деятелям. Беспочвенность польских притязаний на Восточную Галицию основывалась на конкретном материале. Совещанием была подготовлена записка, детально разбиравшая истинность доводов в пользу присоединения края к Польше. Русским специалистам удалось показать, что только во Львове, а также Ярославском и Бжозовском уездах поляки имели существенное большинство (85, 67 и 88 % соответственно), а в остальных у них было в лучшем случае преимущество в несколько процентов⁵⁹. Эти подсчеты соотносятся и с высчитыванием украинофилами цифр «украинского» населения в тех или иных районах бывших Российской империи или Австро-Венгрии с целью доказательства их принадлежности к украинской территории⁶⁰. Что касается Холмщины, то военные специалисты Русского политического совещания полагали, что вопрос о ее границах был удовлетворительно решен образованием Холмской губернии, включившей большую часть «русского» населения Люблинской губернии. Поэтому западная граница Холмской губернии предлагалась в качестве участка государственной русско-польской границы⁶¹.

Кроме того, в отличие от русофильских деятелей Галиции, представители Белого движения при формировании своих представлений о границе не ограничивались только этнографическими данными. Обращаясь к Мирной конференции, они предлагали учесть и интересы общеевропейской политики. В их представлении главным конфликтом в Восточной и Центральной Европе было противостояние славян и немцев⁶². Польше в этом случае отводилась роль аванпоста всего славянского мира. Для того чтобы при случае оказать Германии должный отпор, Польша должна была быть внутренне крепким, моноэтническим государством. «Белые» старались доказать, что присоединение пятимиллионной Галиции и других непольских территорий не усилит, а, наоборот, ослабит польское государство. Будущее Восточной Галиции, таким образом, увязывалось с балансом сил во всей Европе. Более того, Галиция и Прикарпатье связыва-

ли Россию с Чехословакией, усиливая ее политико-экономические контакты с Центральной Европой. Как видно, Белое движение здесь продолжило дореволюционную тенденцию сочетания локальных националистических аргументов с интересами России как империи и проблемами политики в масштабах всего европейского субконтинента.

Степень влияния Русского политического совещания на решения Мирной конференции была небольшой, но все-таки ее нельзя назвать ничтожной. Несмотря на то, что Галиция решением от 25 июля 1919 г. передавалась Польше, речь на тот момент шла о временном мандате. Союзники оставляли себе возможность для маневра, чтобы в случае победы Белого движения и усиления России «отыграть» ситуацию назад. Особенно на этом настаивали члены британской делегации, понимавшие, как и «белые», что излишнее расширение Польши на Восток не приведет к политической стабильности в Европе⁶³. Что же касается украинской делегации в Париже, то ее усилия оказались тщетными. Несмотря на то, что зимой и весной 1919 г. делегация послала на Мирную конференцию целый ряд меморандумов⁶⁴, британский премьер-министр Ллойд-Джордж и президент США Вильсон остались в убеждении, что украинская на-

Источник: Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала «Украинская жизнь». М., 1915.

ция как таковая – искусственное явление⁶⁵. Подобное понимание проблемы лидерами Антанты исключало Украину из далеко идущих политических планов союзников.

Что касается идеологических и политических противников «белых» и русофилов – украинофилов, то они тоже отвергали предложения о передаче Галиции Польше (равно как и Прикарпатье – Венгрии), но из-за соображений «соборности» украинской нации. Еще до формального объединения с УНР в ноябре 1918 г. правительство ЗУНР заявило, что территории Венгрии с «украинским» населением являются частью Украины⁶⁶. Тем не менее, реальное положение как УНР, так и ЗУНР было далеким от стабильности, а их политические возможности – недостаточными. Так, 12 января 1919 г. главный город Прикарпатской Руси Ужгород был занят чехословацкими, а восточные районы области – румынскими войсками⁶⁷. Через месяц Комиссия по чехословацкому вопросу (в которую входили делегаты от США, Франции, Великобритании и Италии) установила, что Прикарпатскую Русь, которая, хотя и не входила в круг интересов Чехословакии, из-за нестабильности в России и на Украине лучше присоединить к ней⁶⁸. В это же время в результате наступления Красной армии войска УНР откатились на запад, и вскоре под контролем Директории осталась лишь небольшая часть правобережья Днепра. Армия ЗУНР, ведя тяжелые бои с поляками, до апреля 1919 г. отступала на восток. У правительства ЗУНР не было возможности помочь Гуцульской республике в борьбе с Венгрией (которая поставляла ЗУНР оружие и боеприпасы⁶⁹). В июне того же года правительства УНР и ЗУНР встретились в Каменец-Подольском, а еще через месяц в результате румынского и польского наступления Гуцульская республика и ЗУНР, которые должны были стать аванпостом для проведения западной границы, фактически прекратили свое существование.

Итак, следует отметить, что представление о линии границы Восточной Галиции у галицийских интеллектуалов как русофильского, так и украинского направления, с одной стороны, и у российских политиков и военных – с другой, было практически одинаковым, различались лишь подходы. Для украинофилов и русофилов важна была идея воссоединения населения Галиции с остальной частью Украины или России. В самой России подобных взглядов придерживались и русские националисты. Однако в политических расчетах этнографический фактор считался существенным, но далеко не единственным. Галиция и Прикарпатье рассматривались ими как средства решения крупных имперских задач – будь то польский вопрос или поддержание баланса сил в Европе и установление

стратегически подходящих границ. Идея возвращения наследия Киевской Руси, национального воссоединения «русских» с русскими была здесь скорее внешним аргументом, нежели целью.

Если говорить о судьбе этих идей в условиях территориально-переустройства Европы после распада Российской империи и Австро-Венгрии, можно заметить, что как сторонники строительства в Галиции украинской нации, так и те, кто желал воссоединения края с Россией, не обладали должным политическим влиянием. В первую очередь, ни украинцы, ни тем более «белые» не были способны установить в области стабильную власть. В этих условиях летом 1919 г. лидеры стран-союзниц предпочли передать управление краем более устойчивым государствам – Польше и Чехословакии. Показательно, что к этому решению стали склоняться и русинские политики. Так, например, за присоединение к Чехословакии высказались делегаты от Лемковщины, находившиеся в Париже⁷⁰, а президент Качмарчик весной 1919 г. заключил тактическое соглашение с польским правительством о неучастии лемков из его республики в боевых действиях.

По существу, решение Парижской мирной конференции в отношении восточных земель Австро-Венгрии носило вынужденный характер, не соответствуя ни планам украинского национального движения, ни потребностям Российского государства. Вместе с тем, несмотря на свою слабость в 1919 г., оба игрока имели перспективы для дальнейшей борьбы в регионе. Таким образом, воплощение их геополитических планов откладывалось на будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2010. С. 39.
2. The Ukraine. Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. L., 1920. P. 54.
3. Himka J.-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. Edmonton, 1988. P. XXI, 1.
4. Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991. С. 96.
5. Самостійна Україна. Вещляр, 1917. С. 4, 7-9, 23.
6. Донцов Д. Сучасне політичне положенє нації. Львів, 1913. С. 18.
7. Купчанко Г.И. Галичина и еи русски жители. Вѣдень, 1896. С. 36-38; Guttry A. von. Galizien. Land und Leute. München-Leipzig, 1916. S. 55
- Пушкаш А.И. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918-1945. М., 2006. С. 33.
8. Bachmann K. Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Russland (1907-1914). Wien-München, 2001. S. 30.

9. Манасеин И. К вопросу об установлении идеальной границы на западе России. Доклад, прочитанный в общем собрании Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге 19 января 1913 г. СПб., 1913. С. 3.
10. Там же.
11. Геллнер Э. Указ. соч. С.23; Хобсбаум Э. Нация и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 33.
12. Подробнее см.: Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. СПб., 2004.
13. Базаров П. Государственная граница. Пг., 1917. С. 9.
14. Бахтурина А.Ю. Краины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004. С. 118-119.
15. Там же. С. 122.
16. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2008. С. 38.
17. Купчанко Г.И. Указ. соч. С. 19, 31.
18. Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 52.
19. Бахтурина А.Ю. Краины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2000. С. 123.
20. Бахтурина А.Ю. Политика России в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. С. 60.
21. Пашаева Н.М. Галиция под властью Австрии в русской и советской исторической литературе (1772-1918 гг.). URL: <http://ukrstor.com/ukrstor/pashaeva-galiziawrussovlit.html> (дата обращения: 11.05.2013).
22. Подробнее см.: Кузеля З. З культурного життя України. Зальцведель, 1918. С. 18.
23. Метелик. Ч. 1 (1916). С. 4.
24. Ostwald P. Die Ukraine und die ukrainische Bewegung. Essen, 1916. S. 8.
25. Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 10-11
26. Тарнович Ю. Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1936. С. 248.
27. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 58.
28. Асташов А.Б. Указ. соч. С. 10-11.
29. Там же. С. 11.
30. Taylor A.J.P. The Habsburg monarchy, 1815-1918. London, 1942. P. 16.
31. Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915. С. 11.
32. Асташов А.Б. Указ. соч. С. 14.
33. Rudnyzkij S. Ukraina und die Ukrainer. Berlin, 1915. S. 4-5.
34. Kessler O. Die Ukraine. Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft. München, 1916.
35. Буковина. № 2-3 (1918). С. 5.
36. Михутина И.В. Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 158.
37. Там же. С. 159.
38. Скляров С.А. Польско-украинский территориальный спор и великие державы в 1918-1919 гг. URL: <http://www.hist.msu.ru/labs/UkrBel/sklarov.htm> (дата обращения: 11.05.2013).

39. Михайловский Г.Н. Записки. Т. 1. М., 1993. С. 486.
40. Там же.
41. Doroshenko D. History of Ukraine 1917-1923. Vol. 2. Winnipeg, 1974. P. 21, 29.
42. Вістник політики, літератури й життя. Ч. 39 (1918). С. 529.
43. The Ukrainians and the war // The Ukrainian Problems. № 1. Vienna, 1919. P. 4.
44. Reitlinger G. The House Built on Sand. The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939-1945. L., 1960. P. 161.
45. Kateryniuk P. Bericht über die ukrainische Aufklärungsarbeit im Lager Rastatt (vom Mai 1915 – Ende Juli 1917). Rastatt, [1917]. S. 8.
46. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 26.
47. Там же. С. 34.
48. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 257. Оп. 556. Д. 56. Л. 7.
49. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3439. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.
50. АВПРИ. Ф. 257. Оп. 556. Д. 56. Л. 8.
51. Там же. Л. 8.
52. Там же. Л. 4.
53. Там же. Л. 5.
54. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 31.
55. Why is War carried on in East Galicia between the Ukrainians and the Poles? // The Ukrainian Problems. № 2. Vienna, 1919. P. 1.
56. Ukraina. Hrsg. von Heinrich Lanz. Berlin, 1918. S. 28.
57. Ukrainische Nachrichten. № 16 (1915). S. 6.
58. Why is War carried on in East Galicia between the Ukrainians and the Poles? // The Ukrainian Problems. № 2. P. 2.
59. ГАРФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 191. Л. 3.
60. Ukraine. A monthly review of Ukrainian affairs and the problems of Eastern Europe. Vol 1. № 1 (1918). P. 25; Gassenko G. von. Ist Cholmland polnisch oder ukrainisch? Lausanne, 1918. S. 5.
61. ГАРФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.
62. Там же. Ф. Р-454. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.
63. Les deliberations du Conseil des quatre. V. 2. Paris, 1955. P. 7.
64. La Paix de Versailles. Les questions Territoriales: Tchécoslovaquie. Pologne. Ukraine. Roumanie. Yougoslavie. Paris, 1939. P. 265-275.
65. Les deliberations du Conseil des quatre. V. 2. P. 7.
66. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 30.
67. Там же. С. 37-38.
68. Там же. С. 51.
69. Там же. С. 36.
70. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Л. 152.